
ДУХОВНЫЙ КОД С ПОЗИЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ: ЕДИНСТВО САКРАЛЬНОГО И СВЕТСКОГО

В.А. Маслова

Витебский государственный университет (Белоруссия)

В статье намечен интегральный подход к лингвистическим явлениям, одним из которых является код лингвокультуры, который имеет отношение к нескольким современным областям знаний – когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, лингвоконцептологии. Сейчас в лингвистике язык исследуется как когнитивный механизм, т.е. выявляются схемы, через которые человек познает мир. Результатом процессов языковой категоризации являются языковые картины мира, включающие в себя: 1) систему концептов, 2) ценности культуры и 3) коды культуры. В статье рассмотрен один из самых богатых и специфичных для русской культуры духовный код.

Ключевые слова: код культуры, концепт, ценности, сакральное, светское, теолингвистика.

Понятие «код» впервые появилось в технике связи, математике, биологии, а позднее в теории информации, информатике, прикладной лингвистике и др. Под кодом понимается совокупность знаков и определенных правил, при помощи которых можно передавать, обрабатывать и хранить информацию. В последнее время термин «код» приобрел особую популярность: его стали использовать даже в заголовках газетных статей и названиях книг (ср.: «Взламывая код ядерного убийцы», «Код доступа», «Код да Винчи» и т.д.). Простейшими кодами являются цифровые коды, телеграфные, сигнальные. Коды культуры, которые функционируют в языке, – самые сложные.

Особый интерес к кодам, вероятно, объясним их универсальностью: специалистами-генетиками, молекулярными биологами, семиотиками было замечено структурное сходство генетического кода и языка. Существуют даже работы генетика Р.О. Солганика о единстве музыкального, генетического и языкового кода, результатом исследования которого стала *музыка гена* с возможностью ее проигрывания. Такая универсальность может быть объяснима универсальной идеей Творца, которая все чаще находит подтверждение в достижениях разных наук на рубеже тысячелетий. Вероятно, наш организм неосознанно владеет информацией о своем строении, в том числе – о строении своего генетического кода, и соотносит его с миром и языком.

На сегодняшний день мы можем назвать несколько способов описания языка: поуровневое описание (традиционное и самое всеобъемлющее), через лексико-семантические поля, через систему концептов, через ценности культуры, через коды.

В современной лингвистике язык исследуется как когнитивный механизм, т.е. устанавливаются своеобразные схемы, в рамках которых человек познает мир. Результатом процессов репрезентации и категоризации являются языковые картины мира, включающие в себя: 1) систему концептов, 2) ценности культуры и 3) коды культуры. Таким образом, код имеет отношение к нескольким современным областям знаний – когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, лингвоконцептологии.

В лингвистику понятие кода пришло из семиотики, где оно тоже неоднозначно: это и знаковая структура, и способ структурирования символов, но их можно свести к закону соответствия плана содержания плану выражения. Кодом задается значимость знака, а интерпретатор (пользователь) эту информацию расшифровывает. Правила прочтения задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора. Следовательно, код вырабатывается и функционирует в культуре (В.Н. Телия, В.В. Красных).

В лингвокультурологии код – это то, что позволяет понять, как значение преобразовалось в культурный смысл, например, как *конь*, будучи реальностью мира, приобретает многочисленные смыслы в русской культуре, становится символом силы, выносливости (*работать как конь/ лошадь; в одной упряжке* – о совместной работе), *тянуть лямку* (с одной стороны, тяжело работать, с другой – намеренно оттягивать какое-то дело), *конь-огонь* (с одной стороны – быстрый конь, с другой – *конь* как символ огня); фразеологизм *конь не валялся* в значении «еще не приступали к делу, которое нужно сделать». Думается, что современное значение последнего фразеологизма формирует следующее представление: чтобы мифический конь мог помогать своему герою, тот должен был позволять ему по утрам валяться в росе, что давало ему силу (ср.: ходить по росе – полезно). Из данного примера мы видим, что коды лингвокультуры связаны с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями о мире. Так формируется зооморфный код языка и культуры.

Есть целый ряд определений кодов культуры. Так, Р. Барт понимает их как сгустки культурного опыта коллектива, фрагменты памяти культуры, культурные тенденции или мотивы, культурные прецеденты, приобретшие сконцентрированный, парадигматический и иконический характер, и, как следствие, ставшие знаковыми системами...» [1. С. 284].

Код культуры – это «система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставшие носителями культурных смыслов» [2. С. 9].

В лингвокультурологии понятие кода тесно связано с культурой. Как отмечают многие лингвисты (В.Н. Телия, С.М. Толстая и др.), национально-культурная информация, заложенная в национальном языке, часто не лежит на поверхности, она «закодирована» в семантике слова, в его внутренней форме, в семантике грамматических феноменов, в синтаксисе, поэтому культурный феномен, вербализуясь в языке и объединяясь с себе подобными явлениями, образует национально-культурный код.

Мы представляем культуру как *пространство культурных кодов*, а поскольку *пространство*, по мнению когнитологов, осознается людьми не через систему координат, а через отношения, существующие между объектами в пространстве [3. С. 34–41], нам представляется наиболее точным определение культурного кода через концептуальную метафору «контейнер». Тогда код – это **глубинное культурное пространство, «контейнер», в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код.**

Образная схема *контейнера* была впервые предложена М. Джонсоном и Лакоффом для иллюстрации структурирования человеческого опыта, основанная на противопоставлении того, что находится ВНУТРИ чего-то (IN), тому, что находится ВОВНЕ или вне чего-то (OUT) [4]. Данная метафора имеет общенаучный характер – с её помощью представляется не только человек как живой организм, но и весь мир, она присутствует в биологии, физике и ряде других наук. С помощью метафоры контейнера можно описать любые множества, группировки, объединения, классы и категории, то есть перенести на эти абстрактные понятия все представления о вместимости (контейнере). В русской лингвистике большой вклад в изучение схемы *контейнер* внесли представители когнитивного направления Е.С. Кубрякова, Е.Е. Голубкова, Е.В. Рахилина и др. Е.С. Кубрякова ввела это понятие для описания концепта: «сама идея контейнера – схематизированное и предельно упрощенное представление об универсуме лишь в его способности иметь что-то (держать или содержать, con-tain) в себе самом, внутри себя, это прежде всего идея “пустого пространства”, в котором находятся все выделенные человеком объекты – как материальные, так и идеальные» [5. С. 482].

Итак, код – это «**контейнер**» в понимании Е.С. Кубряковой, где разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код. Коды могут включать в себя единицы, которые сами по себе не являются знаками культуры, но, будучи включены в ментальное пространство кода, становятся таковыми: *топор* как орудие и *топор войны*. В.Н. Телия считает, что для этого они должны воплощать в своем образном содержании культурно значимые черты мировидения.

Итак, именно глубинное культурное пространство называют кодом культуры. Коды культуры задают картину мира и занимают центральное место в национальном культурном пространстве, являясь его структурообразующими элементами. Однако проявления кодов, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обусловлены конкретной культурой: так, спортивный код в английском языке задает эталоны культуры и поведения: *вести себя не спортивно, не крокетно* (=плохо).

На сегодняшний день в русской лингвокультуре можно выделить целый ряд кодов: *космогонический* (*звездный час, быть на седьмом небе*), *анимический* (*горы свернуть, политические бури*), *соматический* (*рука в*

правительстве, голова колонны, третий глаз), **пространственный** (точка зрения, перспектива, горизонт), **временной** (на октябрьские, перед Рождеством), **фитоморфный код** (анютины глазки, дети – цветы жизни), **военный** (отвоевывать позиции, сдавать позиции, ломать копыя, сложить оружие, поднять меч, битва умов), **медицинский** (операция по поимке преступника), **предметный** (звездь программы), **природно-ландшафтный** (пуп земли, лес рук, родословное древо), **архитектурный** (мосты дружбы, храм науки, строить замки на песке), **обонятельный** (запах крови, пахнуть войной, дохнуло страхом), **пищевой код** (на бобах провести, кормить кулаками, есть поедом, задавать перцу), **код одежды** (до положения риз, засучив рукава, родиться в рубашке). **Спортивный код**: заткнуть за пояс, положить на обе лопатки и др. Широко распространен в русской лингвокультуре **зоологический код**: о хитром человеке говорят: «Ну и жук!» О сладко и много спящем человеке – *Спит как сурок*; о дюжей и ловкой женщине – *конь-баба*, о плохой матери – *кукушка*, о красивых и стройных женщинах – *лебедушка* и т.д. **Геометрический код**: *сделать круглые глаза* – удивляться; *круглый отличник, круглые сироты, круглые дураки, обвести вокруг пальца, расчеты округляют* и т.д.

Некоторые из них хорошо описаны, например, соматический, ибо «тело служит человеку первичной сеткой координат» [6. С. 39]. Данный код является древнейшим, он представлен в ряде работ [7].

Неплохо описан **пищевой код** – один из доминантных в русской культуре [8]. Кухня является одной из самых специфичных областей культуры народа, что, конечно, отражается на ее лингвистическом обеспечении (на системе наименований, относящихся к пищевому сырью, готовым блюдам и рецептуре их изготовления), а также на символике этих наименований. С помощью пищевого кода обозначают качества человека – свойства личности – *сахарные уста, сладкие речи* (хитрый), *мало каши ел* (слабый), *ни рыба ни мясо* (никакой), *есть хлеб не даром* (много работать), *давать пищу для размышлений* (способствовать возникновению интереса); взаимоотношения с людьми в пищевом коде – *подливать масла в огонь* (обострять неприязненные отношения), *выхватить кусок хлеба изо рта* (причинить вред), *насыпать соли на хвост* (не причинить вреда). Отношение к пище – важный показатель социального расслоения – *перебиваться с хлеба на квас, часом с квасом, порой с водой* (бедно, впроголодь); *как сыр в масле катается, одна рука в сахаре, другая – в меду жить богато*.

Хорошо описан и зоологический код [9; 10], а также вещный [8] и некоторые другие.

Список кодов на сегодняшний день открыт. Думается, что число кодов в русской лингвокультуре достигает нескольких десятков (ср. иные мнения: В.В. Красных, Г.В. Токарев и др. исследователи считают, что их число невелико).

Почему интерес к выделению и исследованию кодов так велик в современной лингвистике? Думается, коды культуры помогают осмыслить и

сделать понятным новые, постигаемые человеком сущности. Очень важно здесь понять механизм того, как объекты реального мира (*мост, конь, орел* и под.), кроме прямых номинаций, становятся носителями символической информации. Вероятно, это можно объяснить так: коды культуры лежат в основе тропеического осмысления мира и представляют собой своеобразный строительный материал для тропа, чаще всего – метафоры.

А может быть, он и есть базовая метафора, по Лакоффу? Этот термин хорошо известен, давно «работает» в когнитивной лингвистике, а термин «культурный код» просто его дублирует в другой системе терминов (лингвокультурологии)? Попробуем в этом разобраться.

Метафора в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» рассматривается как мыслительная универсалия. Создавая свою теорию метафоры, они писали: «Метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, и не только язык, но и мысль, и действие. Наша обычная концептуальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, является метафорической по своей природе» [4. С. 3]. Согласно их теории, люди ищут метафоры для того, чтобы более точно реализовать в своем сознании концепт, **который есть и которого нет**. Метафора помогает нам понимать мир, поэтому о ней говорят как о «средстве оформления реальности» [11. С. 66]. И в этом отношении код сходен и с метафорой.

Как и метафорой, единицами кода можно выразить многое в мире: можно отметить тенденцию моделирования социальных явлений на биологической основе, выражение душевных состояний через природные явления, а моральных качеств человека – через обращение к миру животных: *закат жизни, утро жизни, сердце родины, артерии страны, хитрая лиса; пастух – это вождь, а стадо – его подданные*. В этом случае метафора является языковым воплощением сложных моделей мышления. И в этом она также сходна с кодом.

Интеллект первобытного человека оперирует создаваемыми иллюзиями, прежде всего метафорами, олицетворениями. Как отмечал Ф. Ницше, язык состоит исключительно из метафор, постоянное создание которых есть основополагающий инстинкт человека. Это находит подтверждение и в сравнительно новых сферах деятельности человека, например, в науке. Так, метафора сферичности и метафора пространства становятся важнейшими в русской науке: *биосфера и ноосфера* В.И. Вернадского, *фонологосфера* П. Флоренского, *семиосфера* Ю.М. Лотмана, *концептосфера* Ю.С. Степанова; *пространство языка, коммуникативное пространство, пространство мысли* и т.д. Эти метафоры являются порождающей моделью для многих наук. Отсюда вывод: метафора – модель выводного знания, модель выдвижения гипотез.

Таких базовых метафор немного (например, по мнению Е.С. Кубряковой, их всего шесть). Кодов намного больше, как мы уже отмечали – их несколько десятков.

Если в метафоре, по мнению Н.Д. Арутюновой, сливается образ и смысл, идет апелляция к воображению, а не знанию [12. С. 5–32] (*сумасшедшая стонет сирень, море поет, море – дирижер* (Заболоцкий)), то функционирование кода связано с концептуальной системой носителей языка, т.е. знаниями, с представлениями о мире, с системой оценок и ценностей, которые существуют в мире сами по себе и лишь вербализуются в языке.

Коды культуры проявляются в процессах категоризации мира, «категоризация – это процесс сжатия многообразия. Сами категории как таковые не даны нам «свыше», а формируются в нашем сознании» [13. С. 87].

Опираясь на сказанное, мы можем констатировать: код культуры не тождественен понятию метафоры либо другого тропа, соотношение кода и метафоры имеет диалектический характер, формально код может совпадать с метафорой, может перерасти ее, стать непохожим на нее, но какую бы форму не получил код, он чаще всего сохраняет метафорическую природу. Кроме того, код частично пересекается с культурными концептами и ценностями культуры, метафора до этого не дотягивает.

По мнению В.Н. Телия, коды культуры реализуются, как правило, в сакральных текстах, паремиях, метафорах, фразеологизмах, так как именно они обладают повышенной степенью символичности или вторичной семантикой, метафора же может «жить» в любом типе дискурса.

Наиболее сложный и важный для русской лингвокультуры **духовный код**, на котором основываются не только религиозные, но и нравственные постулаты, ценности и эталоны. Этот код изначально онтологичен, он пронизывает все наше бытие, обуславливает поведение и деятельность в обществе.

Для понимания его сущности обратимся к словарным толкованиям лексемы **духовный**. Если в словарях советского времени (словарь Ушакова, четырехтомный академический и др.) в толковании данной лексемы отсутствовала сема «религиозный», то в словарях конца XX – начала XXI века можно наблюдать иную картину. Например, в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX века» под редакцией Г.Н. Складневской в смысловой структуре прилагательного **духовный** актуализируется значение, связанное с религиозной составляющей: «Духовный. 1. Рел. Относящийся к духу (Дух1 (1 зн.), связанный с религиозной жизнью человека; относящийся к Богу, вере, церкви. Духовный сан. Духовное звание. 2. В советское время: связанный с идеологией. *Революция наша была политической, и она была интеллектуальной, духовной.* Федин К. Шаг за шагом» [14. С. 239].

В «Большом толковом словаре русского языка» (2008) при толковании данной лексемы **духовность** снова нет ссылки на Бога: «Духовная, интеллектуальная природа, внутренняя, нравственная сущность человека (противопологаемая его физической, телесной сущности)» [15. С. 289].

Мы видим, что за последнее столетие лексема **духовный** меняла свое значение, и в современном языковом сознании удерживаются как

равноценные – *духовный* = *интеллектуальный* и *духовный* = *религиозный*. Отсюда в духовном коде можно выделить два аспекта – светский и секулярный (религиозный). Работа А.А. Бувевич, публикуемая в данном сборнике, посвящена религиозному аспекту духовного кода.

Если в *религиозно-христианском* мироощущении *духовность* неразрывно связана с «внутренним голосом» человека, его совестью, и воплощается в делании добра, во всеобщем «добротолубии», то в светской литературе *духовность* – относится к области сознания и мышления, является внутренним мотивом деятельности человека. В философско-психологической литературе *духовное* в человеке, как правило, связывается с общественным и творческим характером его жизнедеятельности, с включённостью человека в мир культуры.

Духовный код имеет полевую структуру и может быть представлен ядром, в центре которого размещается *Бог* во всей совокупности Его имен (*Яхве, Господь, Вседержитель, Спаситель, Дух* и т.д.), *Богородица*; на периферии ядра – *Богопознание, Вера, Воскресение, Душа, Церковь, Спасение, Крест, Икона, Храм* и др. Кроме ядра есть также обширная интерпретационная зона, куда входят наиболее важные для русского православно-культурного мировосприятия такие понятия, как *Колокол, Свеча, Покаяние, Молитва, Пост, Милостыня, Чудо* и др. В этих трех зонах духовного кода представлено собственно религиозно-православное его видение (см. статью А.А. Бувевич в данном сборнике, в которой данная часть духовного кода представлена полнее). На периферии интерпретационной зоны находятся важнейшие ценности, нравственные установки и нормы: *Добро, Любовь, Дружба, Милость, Сопереживание* и др.

Все названные сущности духовного кода – и ядра, и периферии, и интерпретационной зоны – являются концептами русской лингвокультуры, которые выполняют роль каркаса, определяющего общие принципы построения наших представлений о мире. Большинство из них имеют и сакральный, и светский аспекты одновременно, все зависит от акцента, который ставит исследователь при их реконструкции. При этом наибольшую сложность для описания представляют концепты, которые обедняются и упрощаются из-за утраты *идеального библейского объема слова*. Через продолжительную литературную традицию эти концепты могут стать экспрессивными, включить в себя богатейшие нюансы смысла, но при этом они теряют свою вселенскую, божественную высоту. Это такие общечеловеческие ценности, как *душа, вера, надежда, грех, спасение, милосердие, счастье* и др. Есть работы современных лингвистов, в которых это прекрасно продемонстрировано [16].

Рассмотрим сказанное на примере концептов *Любовь* и *Колокол*, реконструкция каждого из них имеет свои сложности и нюансы, но в обоих должна присутствовать религиозная составляющая.

С. Булгаков в своей работе «Философия имени» писал, что есть слова, имеющие тройкий смысл – буквальный, переносный и духовный. Именно к таким словам относятся анализируемые нами концепты *любовь* и *колокол*.

Любовь. Любовь – одно из самых главных проявлений личности, богатых индивидуально-неповторимыми нюансами, это главная ипостась личности, которая характеризует ее (личность). Любовь уникальна, личностна в каждом конкретном случае. В ее сущности пытаются разобраться богословы, философы, психологи, лингвисты, представители этики. Потребность в любви относится к базовым потребностям человека (А. Маслоу).

Следующие библейские слова заключают в себе высшую мудрость, высшую любовь и звучат так: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца Вашего небесного». Это идеал, к которому человек должен стремиться всю свою жизнь, а в реальной жизни мы слабы и грешны, о чем говорят наши дела и помыслы.

Любовь как дар Божий понимали лучшие представители русской культуры. Так, Куприн считал, что любовь даруется немногим. В своей повести «Поединок» устами офицера Назанского он говорит: любовь – *«удел избранных... все люди обладают музыкальным слухом... а один из них – Бетховен. Так во всем: в поэзии, в художестве, в мудрости... И любовь имеет свои вершины, доступные лишь единицам из миллионов»*. А Господь нас учит любить всех и всегда.

Попытаемся в этом разобраться через реконструкцию концепта, который является культурной универсалией. Возникновение категории концепта (лат. *conceptus* – понятие) исторически восходит к Пьеру Абеляру (1079–1142), который рассматривал концепт как форму «схватывания» смысла; как «собрание понятий, замкнутых в воспринимающей речи душе»; «связывание высказываний в одну точку зрения на тот или иной предмет при определяющей роли ума, преобразующего высказывания в льнущую к Богу мысль» [17. С. 141].

Концепт *любовь* – это одновременно духовный, нравственный и эмоциональный концепт. Хотя как концепт он описывался Ю.С. Степановым, С.Г. Воркачевым и другими лингвистами, но он настолько многогранен и сложен, что ни одно из описаний нельзя считать исчерпывающим. Это сложная, многоаспектная проблема, пограничная между искусством, философией, психологией, этикой, культурологией, теологией и другими науками. Научный интерес к *любви* обусловлен той ролью, которую она играет в жизни человека. Это интимное и глубокое чувство, объектом которого выступает сам человек, но могут быть и другие объекты, имеющие особую жизненную значимость.

Образцовым на сегодняшний день следует признать описание Ю.С. Степанова, который в книге «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования» утверждает, что внутренняя форма данного концепта сформирована за счет лексем *любить*, *любовь*. Он отмечает, что глагол лю-

бить по происхождению и форме – каузативный, т.е. обозначающий «вызывать в ком-то или в чем-то соответствующее действие, – заставлять кого-то или что-то делать это». С течением времени он занял место глаголов всех трех фаз (по трехфазовой модели) и вобрал в себя их значения: 1) глагола 1-й фазы, который по своей форме в точности параллелен др.-инд. *lobhayati* «возбуждать желание, заставлять любить, влюблять»; 2) глагола 2-й фазы, который должен был обозначать «впасть, погрузиться в состояние любви, желая чего-то»; 3) глагола 3-й фазы **льбети* «пребывать в состоянии любви, влечения к чему-либо или кому-либо».

Семантика глагола «любить» пополняется компонентами «обмануть», «исчезнуть», которые обнаруживаются при восстановлении глагола 2-й фазы – **льбнути(ся)*, следы которого можно найти в русском языке: *у-лыбнуть* «обмануть», *у-лыбнуться* «пропасть». Во многих разговорных формах вместо «любить» используют «жалеть», но этот глагол передает не само чувство любви, а физическое ощущение от него, его след в душе.

Косвенным образом, по семантическим следам, Ю.С. Степанов восстанавливает еще два значения:

- 1) «надежный; такой, кому можно довериться»;
- 2) «ценный». В современном немецком языке в слове с тем же корнем развилось еще и значение «верить» [18. С. 279–282].

Ю.С. Степанов отмечает присутствие в концепте «Любовь» еще одного элемента – «попеременного сравнения», взаимного уподобления двух лиц, которое содержится в русской и английской языковых моделях этого чувства – в концепте «Нравиться». В русской модели *Она (он) мне нравится* источником устанавливающегося между двумя людьми отношения, чувства, выступает «другой» – агенс Б, «она»/«он», который и предстает здесь как субъект, противопоставленный агенсу А, «мне», «я», который в свою очередь является воспринимающим это отношение, его «вместилищем». Такой же элемент можно найти в английской модели *I like her (him)* даже и по этимологическому смыслу слова – «Я подобен ей (ему)». Отличие от русской модели состоит лишь в том, что агенс А представлен здесь в субъектной, а не в объектной форме. Элемент сравнения же подчеркнут гораздо определеннее.

Компонент «подобие» в концепте «Любовь» выступает в динамичном плане – не просто как «подобие», а как «уподобление друг другу», что отражено в русском *влюбить (в себя)* «заставит любить». Кроме того, по замечанию ученого, действие «уподобления-влюбления» совершается по модели «кругового общения» – агенс А воздействует на агенса Б, затем последний снова на первого и т.д., что находит отражение в русском *влюбиться* «влюбиться, влюбить себя в кого-то другого».

Таким образом, по мнению Ю.С. Степанова, внутренняя форма концепта «Любовь» складывается из трех компонентов:

- 1) «взаимное подобие» двух людей;
- 2) «установление, или вызывание, этого подобия действием»;

3) осуществление цикла действий по «круговой модели», в которой «адресантом» и «адресатом» попеременно выступают оба участника, причем «источником» всего цикла действий оказывается неактивный агент, который затем, в середине «цикла», будет объектом любви [18. С. 284].

С.Г. Воркачев написал целую книгу о данном концепте, где выявил вариативность и ассоциативную «ауру» концепта «любовь» [19].

Однако при столь тщательном анализе за пределами описания у обоих авторов остались важнейшие культурные смыслы: «любовь» как ядро духовного кода, ибо *Бог есть Любовь* (1 Кор. 13, 4-9, 13). *Вера, надежда, любовь* стоят в одном ряду, но *любовь из них больше*, т.к. она переживет надежду (Кор. 13,8-14). Отсюда следует, что существует еще одно понимание любви – теологическое.

Русская писательница и востоковед Л.В. Шапошникова отмечает, что пространство грядущего XXI века, по всей видимости, и станет главным полем процессов синтеза религии, науки и искусства, которые приведут к формированию качественно нового сознания и мышления, к созданию новой системы знания и познания. Так, в языкознании уже некоторые лингвисты (В.И. Постовалова, А.К. Гадомский, Е. Кухарская-Дрейсс) говорят не только об антропоцентрическом, но и о **теоцентрическом, теoантропокосмическом** подходах. Возникло и все более распространяется новое направление – **теолингвистика** (от греч. *theos* – Бог и лат. *lingua* – язык), отцом которой называют Й-П. ван Ноппена. Он считает, что теолингвистика пытается описать, как человеческое слово может быть употреблено по отношению к Богу, а также то, каким образом язык функционирует в религиозных ситуациях. В популяризации термина «теолингвистика» велика заслуга Э. Кухарской-Дрейсс и А.К. Гадомского.

При таком подходе возникает вопрос: концепты не только ментальные, но и духовные сущности? Бесспорно.

Можно с уверенностью отметить, что основополагающими признаками **религиозного концепта** являются его сакральность и наличие у него ценностной составляющей. В процессе изучения и усвоения человеком религиозных текстов формируется когнитивный (взгляды, убеждения индивида) и эмоциональный (эмоциональная оценка данного феномена индивидом). Они формируют его ценностные ориентации, которые влияют на его поведенческие доминанты.

Изучение концептов, содержащих теологическую составляющую, к которым относится и *любовь*, предполагает выход на мистико-мировоззренческий уровень, что может быть осуществлено с помощью специального **теоконцептологического анализа**. Как отмечает В.И. Постовалова, в базисных религиозных концептах различаются семь уровней, или слоев, концептуального смысла [20].

Совмещая модель описания концепта Ю.С. Степанова и В.И. Постоваловой, получаем следующее описание концепта *любовь*. Любовь есть «начало и следствие всякой духовной связи», невозможно любить Христа, не лю-

бя других, и наоборот. Опираясь на **Евангельское понимание любви**, приходим к выводу, что любовь – это высший смысл человеческого существования: «*Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга*» (Ин. 13, 34).

Важной особенностью христианской любви является: 1) любовь к ближнему как самому себе, т.к. любовь к каждому человеку – необходимое условие любви к Богу; 2) любовь к врагам своим: «*Любите врагов ваших*» (Мф. 5). Думается, эти ценности, а мирское ее понимание, лежат в основе «общечеловеческого» (это первый и второй уровень, по В.И. Постоваловой).

Третий и четвертый уровни составляют духовные смыслы и смысловые оттенки, вырабатываемые различными этносами одной конфессии. Если по Г.-В. Гегелю идеалом любви служит любовь между братом и сестрой, а вершина нравственных отношений – внутри семьи, по А. Шопенгауэру, любовь – непреодолимая страсть, побеждающая голос разума, толкающая людей на жертву и вдруг исчезающая как признак. А для русского философа В. Соловьева смысл любви – в стремлении человека к единению с другим, причем такому единению, в котором не теряется его индивидуальность. В любви человек преодолевает свой эгоизм, обретая свое настоящее «Я». Именно благодаря любви открывается идеальная сущность человека, закрытая его «материальной оболочкой». *Любовь* В. Соловьев отличает от «внешнего соединения» – от «житейского» (брачного) и особенно от «физиологического».

Для пятого и шестого уровня характерно следующее осмысление любви. Все человеческие благие деяния и намерения, все человеческое знание, даже пророческий дар, данный человеку Богом, – слабее любви. Об этом ярко и образно писал апостол Павел в послании к коринфянам: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13, 1-3).

Евангельские качества любви. «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится; не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13, 4-9, 13). На первом месте в этой фразе стоит *долготерпение* – «любовь долготерпит» (1 Кор. 13, 4). Долготерпение в своей практике рождает снисходительность к недостаткам других, которая превращается в любовь к ближнему. *Милосердие любви* – это больше, чем справедливость, т.к. не требует наказания или даже остановки несправедливого деяния, понимая, что обидчик приносит больше вреда себе, чем другому, кого он обижает. *Любовь не завидует* – зависть – это негативное отношение к другому, при котором человек отделяет себя от объекта любви и по причине кажущейся несправедливости, проникается недобрыми чувствами к способностям другого.

Любовь не превозносится, так как при этом также произошло бы отделение себя от другого, вместо единения, и унижение его, а в любви, наоборот, возвышается объект любви.

Любовь не гордится, так как гордость знает себе высокую цену и может обойтись без других, а любовь не может: ей необходимо изливаться на другого.

Любовь не ищет своего, то есть не стремится к тому, чтобы все обстоятельства были в его пользу: он ищет лишь добра для любимого. Поэтому любовь соглашается со всеми обстоятельствами.

Любовь не мыслит зла: не только не делает, но и не мыслит, ибо помыслы тоже могут быть благими и грешными.

Любовь все покрывает, и покров любви – это сострадательный покров. Отсюда *жертвенность любви*: Высшая формула любви звучит так: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей» (Ин. 15, 3). В Новом Завете неоднократно напоминает человеку о братской любви: «Всех почитайте, братство любите...» (1 Посл. Петра, 2: 17); Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна» (1 Посл. Иоан., 2: 9).

Любовь вневременна. Время, земля и все, что на земле, согласно Новому Завету, прекратится (Откр. 10: 6), а любовь останется после исчезновения времени: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13, 4-9, 13). Любовь не устаревает и не проходит, ибо Бог есть Любовь.

Любовь не ведает страха: «В любви нет страха... Боящийся несовершенен в любви» (1 Посл. Иоанн., 4: 18).

Многое в Новом Завете недоступно здравому смыслу: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Откр. 3, 19). Сходное отношение встречаем и в русской литературе, где часто любовь – сложная и парадоксальная реальность, парадоксальность ее в том, что она может стать трагедией для человека, погубить все самое дорогое для него:

*О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей...*

(Ф. Тютчев)

И все же любовь – светоносное начало, абсолютное благо, как доброта, совесть, милость, сострадание. Все это созидательные ценности. Например, М.Цветаева, *лучший поэт XX века* (так ее оценил И.Бродский), вся поэзия которой пронизана духом любви, писала:

*О любовь! Спасает мир – она!
В ней одной спасенье и защита.
Всё в любви. Спи с миром, Маргарита...
Всё в любви... Любила – спасена!*

Жить для нее – значило любить. “Без любви я вообще не живу...”, – писала она позднее.

На седьмом уровне, по В.И. Постоваловой, находится уровень индивидуальных смыслов, личные оттенки в интерпретации концепта. Так, современный священнослужитель А. Кураев пишет: «Можно желать блага другому, можно действовать ради другого. Это и называется любовью, и если Бог есть любовь – то он может желать приращения блага не Себе (в Нем все благо дано от века), а другим. Именно понимание Бога как Любви позволяет увидеть в нем личность и целеполагающий разум» [21].

О невозможности жить без любви, о надежде, что любовь к Богу научит по-новому любить человека, пишет молодой священник из Витебска: *Я пытаюсь сейчас научиться любить / Хоть кого-то, хоть краешком сердца / Я хочу научиться...*

Итак, **любовь** в Новом Завете – высшая ценность, высшее благо, без которой все позитивное в мире утрачивает смысл, а сама жизнь становится невыносима; такая любовь – это предел нравственного совершенствования человека.

Наблюдения над научными, художественными и другими типами текстов позволяют уточнить и расширить индивидуальные смыслы. При этом важно посмотреть на целую концептосферу, т.е. связь **любви с Богом, верностью, жертвенностью, преданностью, страданием, состраданием.**

Виды любви: любовь-симпатия, страстная любовь, придуманная любовь, романтическая любовь, любовь-товарищество, слепая любовь, совершенная любовь, роковая, судьбоносная, неотвратимая, исключительная, прозаическая, спокойная, теплая, горячая, рассудочная, любовь по расчету, бескорыстная, иррациональная. Бывает любовь-дружба, любовь-привычка, любовь-борьба, любовь-мука, любовь-жертва, любовь-господство, любовь-преклонение и др.

Любовь *универсальна*: красив человек или безобразен, богат или беден, молод или стар – он всегда мечтает о любви и ищет ее. Любовь лишает человека покоя, но придает ему огромную энергию, необходимую для развития личности.

Она тесно связана со *страданием*, даже разделенная любовь не менее мучительна, чем неразделенная. Но любовь измеряется не силой страдания, а силой сопротивления ему. Любовь – это жертвенность уже потому, что нужно подавить в себе какие-то привычки и уступить другому. А он должен также в чем-то уступить. Так рождается взаимоуважение (С. Дружинина, режиссер, АИФ, 2012, № 1). Любовь меняется, так как меняется жизнь, сознание и духовное и эмоциональное содержание человека. Как бы нам этого не хотелось, но наша любовь не похожа на любовь тургеневских девушек, то есть существует эволюция любви во времени: сначала к любви относились как к приятному развлечению, потом как к делу всей жизни, т.к. происходит духовная работа: любовь как вид духовного творчества. Это непрерывный и

неблагодарный труд, а награда ему – приобретение душевной чуткости. Всякий влюбленный начинает все сначала и открывает в любви свое. Поэтому, как писал Ю. Манделштам, поэт, эссеист, литературный критик, «самый невнимательный и неискушенный может почувствовать и заметить то, что ускользнуло от глубочайшего философа, от проникновеннейшего поэта, от опытнейшего искателя» [22. С. 54].

Итак, светская любовь менее возвышенна, более приземлена, в основном телесна, хотя и помогает личности раскрыться, стать до конца собой. Однако Библия предупреждает нас: «Всякая плоть – как трава, и всякая слава человеческая – как цвет на траве: засохнет трава, и цвет ее опал» (1 Посл. Петра, 24).

Любовь не избавляет человека от одиночества: человек рождается и умирает одиноко. Классическая литература пытается найти ответ на многие светские вопросы. Может ли человек любить несколько раз в жизни? Можно ли любить одновременно нескольких? Сколько людей – столько и ответов. Однолюб ответит так, а ловелас – по-другому. Любовь – сотрудничество двух одиночеств. Любовь не выносит лжи. Светская любовь смертна.

Таким образом, получая многочисленные оттенки в светской литературе, концепт, как ни странно, не обогащается, а обедняется: в лучшем случае низводится до философского альтруизма, а в худшем – совсем падает до физической сути – *секса*. Что при этом теряется? Глубокий христианский смысл любви как силы, преобразующей вселенную. И это нужно постигать, ибо, как сказано во Втором послании к Тимофею Ап. Павла, «Все Писание богодухновенно и полезно для научения...» (3:16).

Колокол. Согласно толковым словарям русского языка, *колокол* – «металлическое (из меди или из медного сплава) изделие в виде полого усеченного конуса с подвешенным внутри него для звона стержнем-языком» [23. С. 75]. Но это буквальное значение слова. Переносное – всякий предмет подобной формы – платье-колокол, цветок *колокольчик* и под. А духовный смысл может быть почерпнут из следующих рассуждений по истории, использованию, символике колокола.

Родиной колокола многие ученые считают Китай, а первые колокольчики датируются XIII–XI вв. до н.э. Колокола были знакомы древним египтянам, евреям, римлянам. Ко времени возникновения христианства колокольчики и бубенцы употреблялись практически во всех религиях, и христиане осуждали их как языческие, этим и объясняется их упоминание в негативном контексте в Новом Завете: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий».

В Европе колокола вошли в употребление с VII века, они выполняли там сигнальную функцию; их крестили, мазали мирром, надевали крестильную рубашку, окуривали ладаном, давали имена.

В империи Карла Великого колокола приобретают статус государственного достояния, с ними связано немало легенд и преданий. Средневековый европеец верил, что звон освященного колокола отводит козни дьяво-

ла, молнии, бури, град, эпидемии, что немой обретает голос, если напишет свое имя на колоколе; что душевнобольной исцелится, если выпьет воду из колокола, как из чашки; что смазка оси, на которой висит колокол, помогает заживлению ран и срастанию переломов. Сейчас в Европе колокольные звоны используются как светское развлечение, а символическая функция встречается лишь в художественной литературе – см., например, роман Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол».

На Руси колокола появились сразу после принятия христианства. Первое упоминание о них в русской летописи относится к 998 году (житие преподобного Антония Римлянина), и здесь колокол получает иное значение, иные функции. Он становится гласом Божиим, «звонкой иконой», «молитвой в бронзе».

Колокола на Руси освящались, но никогда не крестились и не нарекались человеческими именами, у них были лишь прозвища, которые давались с учетом особенностей его звучания или события, в честь которого он был отлит. Колокол с сильным, резковатым звучанием нередко назывался «Лебедем», с мягким, приятным – «Красным», с неровным, дребезжащим – «Козлом», «Бараном» и т.д. Считалось, что колокол умолкает на чужбине, подтверждением тому можно считать молчание наших колоколов, проданных после революции в Америку, где в Гарвардском университете использовалась лишь их сигнальная функция, их даже возвращали, например, в Свято-Данилов монастырь в начале века.

Особенно ценились большие колокола: звон колоколов-гигантов, разносившихся на большое пространство вокруг, был в глазах народа символом возрастающей мощи державы, он звал к единению и верности. В 1836 году был отлит Царь-колокол и установлен на гранитном пьедестале. Он весил более 200 тонн и был самым тяжелым из всех, когда-нибудь отливавшихся в мире.

В старину на Руси колокола подвергались наказаниям. Так, в 1591 году по приказу Бориса Годунова отрубили уши и вырвали язык угличскому колоколу, сообщившему народу о гибели царевича Дмитрия, затем его сослали в Тобольск; в 1771 году набатный колокол Московского кремля по указу Екатерины II был снят с колокольни и лишен языка за то, что призвал народ к бунту.

Колокола указывали время, били тревогу, когда случался пожар или иное бедствие, когда вспыхивал мятеж или приближался враг; скликали воинов и напутствовали их на битву; ликовали, встречая победителей; приветствовали знатных гостей. Звук вечеревого колокола был сигналом к народным собраниям в древнерусских феодальных республиках в Новгороде и Пскове. Но главное его назначение, сделавшее его частью национального самосознания, – принимать участие в церковной службе.

Православный звон отличается от колокольных звонов других конфессий: если звоны Западной Европы содержат мелодические и гармонические основы, то православный звон – это ритм и характер. Звон на Руси не только

указывает время богослужения, но может передать радость и спокойствие, глубокую скорбь и торжество возвышенного. Различаются следующие виды звонов: *благовест* (размеренные удары в один большой колокол; этим звоном возвещается благая весть о начале богослужения в храме); *перезвон* – перебор колоколов от самого большого до самого маленького; он бывает погребальный и водосвятный; собственно *звон* – это ритмический звон с использованием колокольного звукоряда; он бывает праздничный (трезвон, двузвон), будничный, а также звон-импровизация. В русском языке есть фразеологизмы *давать на позвонные*: если кому-то не возвращали долг, он давал звонарю деньги с просьбой исполнить погребальный звон по здравствующему должнику, и долг немедленно возвращался; *вызвонить грех* – отлить колокол, который своим звоном вымолит у Бога прощение за данного грешника.

Колокол оказывает благотворное влияние на человека: прежде всего на его духовное состояние, отвращает от дурных поступков, побуждая к добру, отгоняет лень и уныние. Влияет он и на тело: ученые считают, что колокольный звон оказывает фитонцидное воздействие на окружающий воздух в пределах слышимости колокольного звона. Кроме того, колоколам приписывается способность изгонять нечистую силу, развеивать козни и злые чары, отводить грозу, исцелять от болезней, предвещать беду самопроизвольным звоном.

Колокольный звон для русских – это жизнь, с ним проходят все важные события, он наводит на размышления и воспоминания:

*Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!*

(И. Козлов «Вечерний звон» –
перевод стихотворения Т. Мура)

В XX веке в СССР было уничтожено множество колоколов: их сбрасывали с колоколен, расстреливали, взрывали, отправляли в плавильные печи. Но люди становились неприступной стеной вокруг колоколен, прятали колокола в погребах и на чердаках, зарывали в огородах, опускали на дно озер.

Колоколу посвящено довольно много русских пословиц и поговорок: *У Царя колокол на всю Русь* (рекрутский набор); *Чужой человек, что соборный колокол*; *Колокольчик к замужеству, колокол к смерти*; *Бездушен колокол, а благовестит во славу Господню*; *Звонить во все колокола*; *Отзвонил – и с колокольной долой*; *Смотреть со своей колокольной*; *Пришло счастье,*

хоть в колокола звони; Ударил в колокола, не заглянув в святцы (о неуместном заявлении, поступке).

Есть и загадки: *Язык есть, речей нет, вести подает* (колокол).

Колокол – образ-символ в русской культуре – в прозе, поэзии, музыке. Мотив колокола прошел сквозь всю русскую литературу, через многие произведения искусства (музыку, живопись, скульптуру). Это и «Зимняя дорога» А. Пушкина, «Поэт» М. Лермонтова, «Когда колокола торжественно звучат» А. Григорьева, «Колокольчик» Я. Полонского, «Дитя столицы, с юных дней» С. Надсона, «Под напев молитв пасхальных» К. Фофанова и др.

В стихотворении М. Цветаевой дан звукообраз колокола: *Красною кистью рябина зажглась...* Здесь как бы звучит большой колокол, а затем – *бо-го-слов* – маленькие колокольчики.

Для С. Есенина колокол – голос Родины, символ ее независимости и величия, под воздействием которого даже природа ведет себя иначе – «Пасхальный благовест»:

*Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.*

М. Лермонтов и К. Бальмонт сравнивают Поэта с колоколом:

*Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.*

(М. Лермонтов «Поэт»)

Колокольным набатом, способным разбудить людей, считал себя К. Бальмонт: *Я – дух, я – призрачный набат,*

*Что внятн только привиденьям.
Дома, я чувствую, горят,
Но люди скованы забвеньем.*

(К. Бальмонт)

В рассказе Е.И. Замятина «Один» колокол управляет сюжетом, определяет его ход, подготавливает различные события: *«Было весело – точно звонили, переливались, подплясывали в воздухе колокола».*

Кажется, само время обретает голос и выражает себя посредством колокола. Колокола у него живут и ведут себя как люди: *«За окном – колокола, звонят – плачут...».*

«Колокольность... – главный национальный символ русского народа и души России» [24. С. 15]. Именно с помощью колокола описывает русскую душу Е.И. Замятин. Колоколом у него «озвучиваются» и силы природы, и

мысли главного героя: «*Динь-динь-динь. Это маленькие колокольчики перебирает ветер – тоненькие, маленькие, в тоске и страхе мечутся, как испуганные птички в снег зарываются...*». Образы ветра, колокола и человека сплетаются и синтезируются: мысли отражают жизнь души героя, ассоциируются с ветром, характеризуются колокольностью, строится единый образный комплекс. Следовательно, образ колокола у автора предельно семантически насыщен. Все разновидности колокольного звучания связаны и взаимодействуют, создавая тем самым особое художественное пространство данного рассказа.

Русское культурное пространство в целом часто задается образом колокола. «Колокол» – так называлась вольная русская газета, которую А. Герцен издавал в Лондоне. Скульптор М. Микешин взял профиль колокола за основу памятника «Тысячелетие России» в Новгороде, музыку для колоколов писали П. Чайковский, С. Рахманинов и др.

Таким образом, «колокол» – один из важных концептов русской культуры, получивший множественные интерпретации в литературе, музыке, живописи, скульптуре.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. В ряду новых терминов, активно работающих и в теории языка, и в методике его преподавания, может стать термин «код культуры». Коды культуры универсальны как феномен, свойственный человеку разумному и культурному. А сама культура выступает как совокупность различных кодов.

2. Духовный код и составляющие его важнейшие концепты имеют как сакральный, так и светский аспекты, выдвижение одного из них зависит от цели, которую ставит исследователь при их реконструкции. Наиболее полным будет такое описание концептов, которое включает оба аспекта, что показано нами при реконструкции концепта *Любовь*.

3. Сквозь призму духовного кода культуры несколько по-иному видятся национальные ценности народа (колокол), вскрывается то, что было невидимо и неслышимо для непосвященных, без чего наше понимание русского человека и его культуры было бы неполным.

4. Описание русского языка с позиций кодов культуры поможет не только рельефнее и зримее представить русскую языковую картину мира, но и позволит по-иному строить преподавание языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Империя знаков. – М., 2004.
2. Гудков Д., Ковинова М. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
3. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск, 1996. – С. 34–41.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. Н.В. Перцова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.

5. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
6. *Кассирер Э.* Философия символических форм. – М.; СПб., 2002. Т. 1: Язык.
7. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: 2003. – 283 с.
8. *Ковишова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: УРСС, 2012.
9. *Ватлецов Сергей Германович.* Систематика зооморфной лексики и ее англо-русская эквивалентность. АКД, Нижний Новгород, 2001.
10. *Гукетлова Ф.Н.* Зооморфный код культуры в языковой картине мира: дис д-ра филол. наук / Ф.Н. Гукетлова. – М., 2009. – 431 с.
11. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.
12. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990, с. 5-32
13. *Фрумкина Р.М.* Психоллингвистика. – М.: Академия, 2001. – 320 с.
14. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX века / под ред. Г.Н. Складневской. – СПб, 2006.
15. Большой толковый словарь русского языка: [около 130 000 слов] / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований; [автор и руководитель проекта, главный редактор С. А. Кузнецов]. – Санкт-Петербург: Норинт, 2008. – 1534 с.
16. *Владимирова Т.Е.* Русская языковая личность и православный дискурс // Христианство и наука. – М., 2008.
17. *Неретина С.С.* Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализация Абеяра. – М., 1995.
18. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. – М., 1997.
19. *Воркачев С.Г.* Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007.
20. *Постовалова В.И.* «Религиозные концепты в теоллингвистическом представлении» / В.И. Постовалова // Хрестоматии теоллингвистики. Т. 2 / под ред. А.К. Гадомского и К. Кончаревич. – Изд-во: Универзитет у Београду – Православни богословски факултет. – Београд (Сербия), 2011. – С. 6–12.
21. *Кураев А.* Если Бог есть любовь... / Кураев А. – М.: Свято-Тихоновский Богословский институт, 2007. – № 25.
22. *Мандельштам Ю.* О любви // Человек. – 1992. – № 1.
23. Словарь русского языка: в 4 т. –Т. 2. – М., 1982.
24. *Петровская Ю.С.* Колокола – вестники судьбы в музыке С.В. Рахманинова // С.В. Рахманинов и Тамбовский край в аспекте развития региональной культуры: II Рахманиновские чтения / ред. И.Н. Вановская. – Тамбов, 2006. – С. 14–18.

SPIRITUAL CODE FROM THE STANDPOINT OF LINGUOCULTUROLOGY: THE UNITY OF THE SACRAL AND THE SECULAR

V.A. Maslova

The article presents an integral approach to linguistic phenomena, one of which is the code of linguoculture that is related to several modern fields of knowledge such as cognitive linguistics, linguoculturology, and linguoconceptology. In linguistics today, language is examined as a cognitive mechanism—that is, procedures are revealed through which man perceives the world. The processes of language categorization result in language pictures of the world, which include: (1) a system of concepts; (2) cultural values; and (3) culture codes. The article examines the spiritual code, one of the richest codes specific to Russian culture.

Key words: culture code, concept, values, the sacral, the secular, theolinguistics.